

УДК 94(47).072

doi 10.17072/2219-3111-2023-2-14-25

Ссылка для цитирования: *Трояновский К. В.* Подготовка перевода на русский язык Статута Великого княжества Литовского и его издание в Петербурге в 1811 году // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 2(61). С. 14–25.

ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И ЕГО ИЗДАНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1811 ГОДУ

К. В. Трояновский

Национальный медицинский исследовательский центр имени В. А. Алмазова Минздрава России, 197341, Россия, Санкт-Петербург, ул. Аккуратова, 2

troianowski@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4864-3369

Предметом рассмотрения является организация перевода с польского на русский язык Литовского статута и его издания в 1811 г. в Санкт-Петербурге. После раздела Речи Посполитой в конце XVIII в. Литовский статут, перепечатававшийся на протяжении двух веков на польском языке, сохранил свою юридическую силу на присоединенных к России территориях. Проект подготовки двуязычного издания осуществлялся в Комиссии составления законов (КСЗ) под кураторством министра юстиции князя П. В. Лопухина; им занималась группа сотрудников во главе с юристом А. Повстанским. На основе архивных материалов в статье рассматриваются обстоятельства работы в КСЗ над переводом. Несмотря на то, что Лопухин располагал экземплярами оригинального статута, изданного в г. Вильно в 1588 г. на «рус(ь)ком» языке, перевод осуществлялся с польского текста, считавшегося аутентичным в юридической практике. Реализация проекта находилась в тесной связи с внешнеполитическими событиями послетильзитского периода российской истории. После образования Герцогства Варшавского в 1807 г., всколыхнувшего надежды на воссоздание полноценной польской государственности, усилилось соперничество между Наполеоном и Александром I за симпатии поляков. Определенное недовольство в высших сословиях герцогства, вызванное введением французских правовых кодексов, создало удобную почву для повышения лояльности к России у консервативно настроенных польскоязычных подданных. Вышедшее в Сенатской типографии новое издание, помимо практического значения для судопроизводства, должно было восприниматься в западных губерниях как залог сохранения и развития автономного статуса этого края.

Ключевые слова: Литовский статут, источники права, Российская империя, западные губернии, Комиссия составления законов.

Историческая судьба права Речи Посполитой после ее разделов привлекает внимание исследователей многие десятилетия, но по-прежнему остается малоизученной проблемой. Со времени присоединения в конце XVIII в. части территории этого государства к России Литовский статут – свод законов Великого княжества Литовского – признавался новыми властями одним из источников действующего права и сохранял свою юридическую силу вплоть до 1840 г. Будучи одновременно историко-правовым памятником и источником права, Литовский статут (далее – ЛС) в начале XIX в. усилиями патриотически настроенных общественных деятелей и ученых стал одним из символов жизнеспособности польского культурно-языкового сообщества. Зримое присутствие этого памятника в публичной жизни виделось залогом сохранения традиций Речи Посполитой и будущности ее народов. Созданный в золотой век шляхетской демократии, ЛС должен был напоминать современникам о славных временах польско-литовского государства.

Утвержденный в 1529 г. как первый результат кодификации старолитовского права, статут впоследствии дополнялся и перерабатывался. В 1566 и 1588 гг. были приняты последовательно две новые редакции, известные как Второй и Третий статуты. Хотя Третий статут первоначально был издан в Вильне в типографии Мамоничей в 1588 г. на «рус(ь)ком языке»/«рус(ь)кой мове» – книжно-актовом языке Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ),

его польский перевод, впервые напечатанный в 1614 г., в течение XVII в. вытеснил оригинальный текст из административной и судебно-правовой сфер ВКЛ. Статут на протяжении двух столетий переиздавался только на польском, а память о «русском» издании почти исчезла. Тадеуш Чацкий, опубликовавший в 1800 г. свои штудии по истории права, это издание не упомянул [Linde, 1816, s. 30, 35], хотя и отмечал, что Третий статут был написан на «русском» языке [Czacki, 1800, s. 48].

В 1811 г. в Сенатской типографии вышло новое издание Литовского статута. Оно представляло собой два тома общим объемом более тысячи страниц. На каждой странице в параллельных колонках были помещены польский текст статута и его русский перевод. В начале 1812 г. двухтомник был отправлен из Петербурга в главные суды и другие присутственные места западных провинций. Местный судебный корпус был польскоязычным и пользовался изданиями статута, вышедшими во времена Речи Посполитой. Двухтомник предназначался как для служивших в западном регионе русскоязычных чиновников от короны – членов местной администрации, судов, губернских прокуроров, стряпчих и др., так и для центральных и высших учреждений империи, в т.ч. Сената, являвшегося апелляционной инстанцией для гражданских и уголовных дел.

Издание ЛС на двух языках отвечало требованиям гражданско-процессуальных норм, регулировавших судопроизводство по апелляционным делам западных губерний. Согласно сенатскому указу от 11 сентября 1797 г., в главных судах «польских» губерний, являвшихся первой апелляционной инстанцией, резолюции и приговоры должны были писаться на двух языках – на польском с параллельным русским переводом. В случае апелляции по гражданским делам губернские суды должны были представлять в Сенат «экстракт» (краткое изложение) из дела вместе с переводом на русский (ПСЗ, № 18135).

Предметом данной статьи является изучение осуществления перевода Литовского статута на русский язык, а также подготовка его издания в 1811 г. Рассматриваемый сюжет известен главным образом историкам права. Наиболее информативный, основанный на архивных материалах, но не во всем точный, его очерк дал в начале XX в. А. Э. Нольде [Нольде, 1906, с. 69–73]. Последующая историография черпала сведения из этой работы. Если брать более широкий исторический контекст, выходя за пределы отдельного, весьма обширного поля историко-правовых исследований, посвященных ЛС (современная библиография по этой проблематике приведена в работе С. Годека [Godek, 2012]), то следует отметить, что литература об интеграции западных территорий в имперское пространство в первые десятилетия XIX в. обходит вниманием проблемы сосуществования местного и имперского права в регионе.

Цель статьи – на основе опубликованных и неопубликованных документов исследовать ход работы по переводу и подготовке издания Литовского статута и указать на связь этого проекта с внешнеполитическим фоном послетельзитского периода российской истории.

Присоединение обширных территорий Речи Посполитой и сохранение там прежнего гражданского права поставили в правительственных кругах вопрос о необходимости иметь точные переводы местных законов на русский язык. Русский поэт и писатель И. И. Дмитриев, служивший в 1797–1799 гг. обер-прокурором 1-го отделения III департамента Сената, отмечал неудовлетворительность переводов на русский подборок местных законов, которые имелись в Сенате. Они были переписаны от руки плохим почерком, а верность перевода никем не была заверена. Именно такими рукописными, потрепанными от постоянного использования сборниками приходилось пользоваться сенаторам и чиновникам сенатских департаментов. Оригинальные сборники местного права также находились в Сенате, однако большинство русскоязычных чиновников могло пользоваться ими только с помощью переводчиков. Когда Дмитриев пытался представить свои предложения по подготовке перевода этих законов, генерал-прокурор кн. А. Б. Куракин отнесся к этому равнодушно (Дмитриев, 1866, с. 136–137).

Тем не менее работа по изучению законодательства Речи Посполитой в Петербурге в это время велась. Учрежденная Павлом I Комиссия составления законов (далее – КСЗ) собирала материалы и приступила к переводу Литовского статута на русский язык, который, однако, не был закончен [Нольде, 1906, с. 33–35]. В описи дел III департамента Сената также сохранилось упоминание о том, что в январе 1801 г. начались работы по переводу хранившихся там немецких и польских законов (РГИА. Ф. 1347. Оп. 281. Д. 1875. Л. 1 об.).

Организацию нового перевода ЛС на современный русский удалось осуществить несколько позже министру юстиции князю П. В. Лопухину, одновременно возглавлявшему Комиссию составления законов. Одними из задач комиссии являлись собирание и систематизация местного права, сохранявшего юридическую силу в отдельных регионах империи. Для этих целей в составе КСЗ были созданы несколько редакций (ПСЗ, № 21187). Руководителем редакции, отвечавшей за польское и литовское право, был назначен адъюнкт (вице-профессор) Виленского университета, доктор права А. Повстанский (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 900. Л. 39–40). В 1807 г. Лопухин поручил Повстанскому и его сотрудникам перевести с польского на русский язык справочник по польскому и литовскому праву, который был издан в Варшаве в 1783 г. (*Uwagi...*, 1829, s. 39), и имел, по-видимому, широкое хождение. В апреле – мае 1808 г., помимо своих основных задач, Повстанский занимался «по особенному препоручению присутствия» КСЗ исправлением русского перевода этой книги (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 39. Л. 39–39 об.). В 1808 г. перевод был опубликован Сенатской типографией, а через два года вышло исправленное издание (*Ручной словарь...*, 1808).

Следующим логическим шагом должно было стать издание Литовского статута на русском языке. Важным фактором, ускорившим движение в этом направлении, стали внешнеполитические обстоятельства. О значении для рассматриваемого сюжета создания в 1807 г. Герцогства Варшавского и введения в нем наполеоновского законодательства будет сказано ниже.

Стоит отметить, что первый перевод Литовского статута ВКЛ на русский язык появился в Московском государстве еще в середине XVII в. и послужил, видимо, источником заимствований при составлении Уложения 1649 г. [*Мякишев*, 2014, с. 328]. С присоединением левобережной Украины имперское правительство вновь должно было познакомиться с ЛС, который являлся одним из основных источников права в этом крае. В 1738 г. комиссия, работавшая по указанию центральных властей над кодификацией малороссийского права, закончила перевод Литовского статута с польского на «великороссийский» язык (*Права...*, 1997, с. XLVII). Применявшийся судами Гетманщины во второй половине XVIII в. текст переведенного ЛС был известен в России как Малороссийский статут. На этой территории имели хождение рукописные списки статута, адаптированные переписчиками к местной языковой норме [*Мякишев*, 2014, с. 327–328].

Перевод статута, выполненный комиссией в 1738 г., находился в III департаменте Сената (РГИА. Ф. 1347. Оп. 94. Д. 754. Л. 2–2 об.). Зная о Малороссийском статуте, Лопухин наводил справки и о других текстах ЛС на кириллице. Вероятно, именно во время этих поисков Лопухин узнал о существовании старопечатного издания 1588 г. К весне 1808 г. в распоряжении Лопухина было по крайней мере два экземпляра этого издания: один был получен от С. В. Руссова, второй поступил из Императорской библиотеки.

Известный в истории литературы писатель С. В. Руссов в 1806 г. был назначен волыньским губернским прокурором. Будучи любителем древностей, он собирал исторические сведения, посещал в Волынской губернии места, известные по летописям и хроникам, отыскивал исторические памятники, во многих из которых он видел свидетельства бытия древней России. Итогом «розысканий» стал своего рода путеводитель по историческим местам Волыни, включенный в «Волыньские записки» Руссова – авторское описание этой губернии. В результате поисков старинных книг, печатанных на кириллице, Руссов обнаружил в частных руках издание Литовского статута 1588 г. на «российском языке», которое ему удалось приобрести (*Руссов*, 1809, с. 108, 99–109). Примечательно, что Руссов в «Записках» не подчеркивал уникальность своей находки. Приводимые им данные (с ошибками) о хронологии изданий ЛС (Там же, с. 132–133) заимствованы из польского издания статута 1786 г., в котором ничего не сказано о том, что первое издание статута на польском языке вышло только в 1614 г. В 1808 г. свое сочинение о Волыни и экземпляр старопечатного статута 1588 г. С. В. Руссов прислал Лопухину (РГИА. Ф. 1405. Оп. 520. Д. 4001. Л. 240 об.). После доклада министра в мае 1808 г. Александр I повелел напечатать «Записки» Руссова за счет средств своего кабинета, а экземпляр ЛС передать на хранение в Сенат (*Руссов*, 1809, с. i–ii).

Еще один старопечатный экземпляр ЛС на «российском языке» Лопухин получил из Императорской библиотеки. Из переписки чиновников невозможно установить, какая именно библиотека имела в виду – будущая Публичная библиотека, книгами которой по служебной необходимости периодически пользовались чиновники ведомства юстиции (ОАД РНБ. Ф. 1.

Оп. 1. 1800. Д. 19. Л. 1, 2, 3, 8–9, 13, 18), или же Эрмитажная библиотека, также подведомственная Кабинету его императорского величества, в которой, вероятно, в это время уже хранился кириллографический статут [Мякишев, 2014, с. 298].

Руссов в своих «Записках» называет язык старопечатного статута «русским» или «российским» (Руссов, 1809, с. XV, 107, 108). Кажется, что в определении языковой принадлежности текста для Руссова были важны алфавит и рисунок шрифта, которыми были выполнены рукописи и книги. Кириллицу он называет «русскими буквами» (Там же, с. 107). Язык и шрифт статута 1588 г. мог напоминать Руссову старые церковнославянские издания. В научной литературе отмечается, что в языковом сознании людей той эпохи не существовало противопоставления церковнославянского и русского. Последнее наименование могло прилагаться и к книжному языку, и к языку некнижной письменности [Живов, 1996, с. 277]. Лопухин принимает это обозначение языка статута 1588 г., и в дальнейшей переписке он именуется «российским». Трудно судить, несло ли такое определение в себе имперскую нагрузку или же оно, скорее, объясняется особенностями языкового сознания того времени.

Ввиду слабой научной разработанности истории ЛС перед Лопухиным и его сотрудниками возник вопрос о том, как соотносятся три группы текстов статута: 1) содержащиеся в обнаруженных старопечатных экземплярах на кириллице; 2) польскоязычные, используемые во вновь присоединенных областях, и 3) «малороссийские», применяемые на левобережной Украине. Пожалуй, единственной печатной работой, из которой тогда можно было почерпнуть исторические сведения о статуте, было исследование Т. Чацкого «О польских и литовских законах», в котором говорилось о трех редакциях статута. Однако в нем было трудно найти ответы на возникшие вопросы.

В начале марта 1808 г. министр передал полученный из Императорской библиотеки («кабинетский») экземпляр «Литовского на Российском языке Статута» обер-прокурору 1-го отделения III департамента Сената С. П. Татищеву с устным приказанием сличить текст этой книги с «таковым же», хранящимся в департаменте. В случае выявления расхождений в текстах Лопухин просил без отлагательства сообщить, в чем именно заключается «несходственность в выражениях» с указанием разделов, артикулов и параграфов статута и каким образом их следует исправить (РГИА. Ф. 1347. Оп. 94. Д. 754. Л. 1–1 об.).

В III департаменте имелись экземпляр последнего польскоязычного издания, вышедшего в Вильно в 1786 г., и уже упоминавшийся рукописный экземпляр Малороссийского статута. Зная о разных редакциях статута, сановники хотели определить, как соотносятся тексты старопечатного издания 1588 г. и малороссийского. К выполнению этой задачи – сличению польского и кириллических текстов – Татищев привлек чиновников, являвшихся носителями польского языка: С. Козелло и И. Бучиньского. Первый возглавлял «Польскую метрику», которая представляла собой хранившуюся при Сенате часть государственного архива Речи Посполитой, а второй с апреля 1805 г. служил в Сенате «переводчиком польского языка» (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 328. Л. 115–116). Татищев, очевидно, полагал, что с поручением более успешно справятся знатоки оригинала статута, поскольку именно польский текст тогда считался аутентичным [Музыченко, 1989, с. 64].

18 марта 1808 г. чиновники представили рапорт о проделанной работе. По их словам, в III департаменте находились три текста статута: помимо упоминавшихся выше польскоязычного издания 1786 г. и рукописного малороссийского, был и третий текст, принадлежавший секретарю Бохановскому. Это был перевод «с Польского Печатанного Статута с подведением всех Конституций какие в оном под всяким разделом имеются» (РГИА. Ф. 1347. Оп. 94. Д. 754. Л. 2). Из рапорта невозможно понять, кто являлся автором перевода и был ли этот текст близок к рукописям статута, имевшим хождение в Малороссии. Скудную информацию о Павле Бохановском (Бухановском) можно получить из его формулярного списка. Начав свою карьеру в Переяславском повете Киевского наместничества, он с сентября 1794 г. служил в III департаменте Сената, где последовательно проходил должностные ступени и в 1806 г. был назначен секретарем 1-го отделения (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Ф. 278. Л. 33–34).

Сопоставление хранящихся в Сенате статутов с присланным Лопухиным показало, что «в содержании своем [они] согласны». Чиновники имели в виду, что эти книги тождественны по структуре и смыслу заголовков разделов, артикулов и параграфов. Тем не менее они признава-

ли, что «Статут печатанный в Вильне в 1586 году по древнему слогу есть непонятен, и во всяком почти слове с Малороссийским несходственный...» (РГИА. Ф. 1347. Оп. 94. Д. 754. Л. 2). В качестве иллюстрации было приведено сравнение двух отрывков из этих текстов. Если указывать на каждое такое расхождение, как замечали Козелло и Бучиньский, «то они составят таковую ж книгу как и Статут» (Там же. Л. 2 об.). «Малороссийский переведенный в 1738 году так же есть непонятен и во многих пунктах заключает в себе противный смысл настоящему Статутовому Праву» (Там же). Под последним, согласно тогдашним воззрениям, понимались нормы, содержащиеся в польскоязычном статуте. Рапорт заканчивался рекомендацией приобрести у Бохановского рукописный перевод, который «есть несоразмерно лутше Малороссийского», для «поверки» с оригинальным польским изданием (Там же. Л. 3). Чиновники выражали свою готовность к этой работе.

Реакция Румянцева неизвестна, однако содержащееся в рапорте заключение могло только укрепить мысль о необходимости либо найти уже существующий текст приемлемого переложения статута на русский язык, либо выполнить новый. 13 июля 1808 г. Лопухин направил секретарю присутствия КЗС Г. А. Розенкампу, являвшемуся ее фактическим руководителем [Kaplunovsky, 2019, p. 174], ордер, вместе с которым был передан и «Литовский Статут переведенный на Российский язык с Польского». Лопухин предписал «оной поверить с подлинником и исправить в слоге». Это поручение должны были выполнить А. Повстаньский, «а в помощь ему» предписывалось «дать Икосова», помощника Розенкампа в 1-й экспедиции (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 592. Л. 1).

Никаких указаний на происхождение этого переводного текста в ордере Лопухина не содержалось. Можно предположить, что это была рукописная книга, принадлежавшая Бохановскому. Поскольку Козелло и Бучиньский уже засвидетельствовали хорошее качество этого перевода, Лопухин поручал чиновникам КЗС произвести, помимо сверки, и литературную правку текста. Розенкамп запросил из архива комиссии хранившийся там «другой перевод сего Статута по видимому исправнейший... в некоторое облегчение труда сего» (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 39. Л. 59).

16 октября 1808 г. Повстаньский и Икосов представили присутствию комиссии рапорт о ходе порученной им работы. Чиновники отмечали, что быстрого прогресса им достичь не удалось. Причин этому приводилось несколько. Во-первых, оказалось, что сам перевод содержит «по большей части выражения ... не чисто Российские, а более Малороссийские» (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 592. Л. 2); во-вторых, «самая конструкция во многих местах совсем Польская, Российскому языку не свойственная; в ином месте смысл совсем затемнен; а в некоторых важных местах мысль выражена совсем противно Польскому оригиналу» (Там же. Л. 2–2 об.); в-третьих, чиновники обнаружили, что сеймовые конституции, приведенные в издании 1786 г. при каждом артикуле (дополнявшие статутное право и показывавшие для справки, в чем оно отличается от польских законов), или вовсе не приводились в рукописи, или содержали неправильное обозначение года их принятия. К тому же выяснилось, что в «подлиннике Польском» конституции приведены с ссылками на издания, ставшие уже библиографической редкостью. Поэтому необходимо было перевести с польского недостающие в рукописи конституции, а Повстаньский должен был проверить правильность дат конституций и привести ссылки на «новейшие издания, которые всегда найти можно» (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 592. Л. 2 об.; Д. 39. Л. 94–94 об.).

Чиновники при этом не были освобождены от своей основной работы в КЗС. Так, Повстаньский в августе и сентябре 1808 г. продолжал заниматься систематизацией норм, регулирующих деятельность католической и униатской церкви. Он проверял также перевод на русский язык собранных им по плану КЗС гражданских законов Речи Посполитой (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 592. Л. 3; Д. 39. Л. 94–94 об.). Известный в истории русской литературы поэт П. П. Икосов выполнял свои обязанности по 1-й экспедиции и занимался литературной правкой перевода (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 592. Л. 3; Uwagi..., 1829, s. 40). За два с половиной месяца чиновники успели исправить только два с половиной раздела статута – 92 артикула, почти при каждом из которых, по их словам, нужно было проверять или переводить конституции (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 592. Л. 3 об.). 29 ноября 1808 г. присутствие комиссии в составе Лопухина и недавно вошедшего в него М. М. Сперанского, выслушав очередной рапорт, поручило чинов-

никам продолжать работу и представлять обработанные разделы статута по мере их окончания (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 6. Л. 54).

В конце 1808 г. – начале 1809 г. произошла реорганизация КСЗ, инициированная М. М. Сперанским, который сделался докладчиком Александру I по ее делам (ПСЗ, № 23525) [Корф, 1861, с. 148–152]. 7 мая 1809 г. назначенный в результате реорганизации начальником отделения малороссийских и польских законов Повстанский представил присутствию КСЗ рапорт о ходе работ. «По причине остановки перевода Литовского Статута, которой приказано переводить», он просил «препоручить продолжение сего занятия» ему самому и его помощнику В. Г. Анастасевичу (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 40. Л. 37; Д. 7. Л. 43). Из этого краткого документа мы узнаем о том, что в конце 1808 – начале 1809 г. было принято решение осуществить новый перевод статута на русский язык. Хотя о причинах остановки в работе Повстанский не сообщает, скорее всего, она была вызвана реорганизацией комиссии и изменившимся под влиянием Сперанского общим планом ее работ. Произошли изменения в составе переводчиков. В 1804–1808 гг. основным штатным переводчиком отделения, подпись которого стоит на многих работах, был бывший майор польской службы Л.-И. Жуковский. Однако в 1809 г. он не вошел в утвержденный правлением новый штат. На должностях переводчиков были утверждены В. Копецкий и недавний выпускник Высшего училища правоведения И. Вылаский-Горегляд (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7. Л. 37).

Тем не менее коллектив, работавший над переводом статута, был усилен. 7 марта 1809 г. в КСЗ определили поэта, книговеда и переводчика В. Г. Анастасевич, служившего тогда в канцелярии попечителя Виленского учебного округа (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 900. Л. 22–23, 24–25). Повстанский ходатайствовал о привлечении Анастасевича в комиссию еще в начале декабря 1808 г. Редактор сетовал на нехватку в отделении чиновников и канцелярских служащих. Ему также требовался сотрудник, который бы среди прочего занимался проверкой правильности и редактированием переводов с польского на русский. Помимо хорошего знания этих языков, такой сотрудник должен был быть также «сведущ[им] в латинском, а для случающихся сношений с другими чиновниками разумеющ[им] по французски и по немецки» (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 39. Л. 120 об.). Повстанский указывал, что в числе сотрудников «редакции польских и литовских законов» нет ни одного, обладающего такими компетенциями. Анастасевич же, по сведениям Повстанского, имел все требуемые качества и был известен как переводчик нескольких научных работ с польского и французского (Там же. Л. 120–121).

По более позднему свидетельству Повстанского, работа по переводу ЛС была разделена между Анастасевичем и штатными переводчиками Гореглядом и Копецким. Сам Повстанский, помимо проверки перевода с польского на русский, выверял правильность приведенных в польском издании статута ссылок на нормы коронных статутов и сеймовых конституций. Икосов отвечал за стилистику и соответствие переведенного текста нормам русского языка (Uwagi..., 1829, s. 39–40).

7 января 1810 г. Повстанский представил оконченный перевод статута с «подведением в кратце почти на каждом листе приличных конституций» (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 40. Л. 120). В этот момент в связи с учреждением Государственного совета произошли кадровые изменения в высших правительственных кругах. В январе 1810 г. Лопухин оставил Министерство юстиции, чтобы занять должность председателя одного из четырех департаментов Госсовета. Министром юстиции был назначен И. И. Дмитриев, который, как мы уже видели, будучи обер-прокурором III департамента Сената, был знаком с положением дел в области местного права и понимал важность доведения до конца начатого его предшественником предприятия.

Выполненный в КСЗ перевод ЛС был передан в Сенат, при котором существовала типография, публиковавшая правительственные указы и законы. В середине июля 1810 г. М. М. Сперанский получил от И. И. Дмитриева отношение, в котором тот «по случаю неисправностей, замеченных в некоторых местах перевода» ЛС, просил командировать Повстанского и Иковского в распоряжение и.о. обер-прокурора З. Н. Посникова для исправления текста (РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 592. Л. 5–5 об.).

Была ли проверка перевода в Сенате сразу же поручена Посникову и кто заметил «неисправности», нам неизвестно. Посников служил в должности обер-прокурора I-го отделения III департамента Сената с марта 1810 г. и был на ней утвержден в декабре того же года. Судя по

формулярному списку, Посников начал свою служебную карьеру в 1775 г. в Полоцкой пограничной комиссии, а с 1781 по 1784 г. служил внештатным переводчиком в правлении Полоцкого наместничества (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1796. Л. 33–38), образованного из белорусских земель, присоединенных к России. По свидетельству служащих в Сенате, Посников знал польский язык (РГИА. Ф. 1405. Оп. 26. Д. 4209. Л. 5). Этим и можно объяснить поручение именно ему проверить правильность перевода статута. Повстанский позднее указывал, что Посников с прикомандированными чиновниками КСЗ занимались проверкой в течение восьми недель «едва ли не каждый день по несколько часов» (Uwagi..., 1829, s. 40). К работе по подготовке издания были привлечены и другие чиновники. По поручению Посникова, упомянутый выше секретарь III департамента Сената Бучинский занимался «корректурой» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 26. Д. 4209. Л. 5). К сожалению, архивное дело, в котором должен был находиться рапорт Посникова о проверке, не сохранилось. Однако, судя по своему малому объему, – дело состояло из трех листов – Посников дал весьма краткое описание итогов своей работы (РГИА. Ф. 1405. Оп. 8. Л. 193).

В начале декабря 1810 г., когда редакторские работы, видимо, подходили к концу, Дмитриев приказал обер-прокурору I департамента Сената Д. О. Баранову, курировавшему Сенатскую типографию, распорядиться об изготовлении к январю 1811 г. польских литер для печатания статута (РГИА. Ф. 1341. Оп. 257. Д. 19. Л. 7 об.–8).

В делопроизводственных документах КСЗ не удалось обнаружить следов работы над переводом и проектированием нового издания: инструкций переводчикам, черновиков первоначальных редакций перевода, обсуждения вариантов передачи трудных мест статута. Для освещения отдельных аспектов этих работ определенную ценность имеет более позднее свидетельство самого Повстанского, опубликовавшего в 1829 г. в Вильно книгу, одна из целей которой заключалась в попытке парировать выпады в отношении качества сенатского издания ЛС (Uwagi..., 1829). К суждениям в этой книге необходимо относиться с осторожностью, поскольку, как справедливо заметил А. Э. Нольде, приводимые в ней аргументы могли родиться у бывшего сотрудника КСЗ много позже после выхода в свет сенатского издания 1811 г. [Нольде, 1906, с. 73]. Критика состояла в том, что основу сенатского издания составил польский текст, содержащий множество погрешностей, а его перевод на русский язык не везде был точен.

Титульная страница статута 1811 г. не содержала традиционного для предыдущих польскоязычных публикаций указания на то, что новое издание содержит перепечатку старого текста ЛС; какое-либо указание на его источник отсутствовало. В появившемся в 1816 г. текстологическом исследовании печатных статутов варшавский филолог С. Б. Линде указал, что издание 1811 г. воспроизводит текст последнего польского издания, опубликованного в 1786 г. [Linde, 1816, s. 77–79]. Сравнивая тексты «русского» 1588 г. и последующих польскоязычных изданий, Линде пришел к выводу, что каждое переиздание статута содержало все большее количество ошибок, пропусков и опечаток, добавляя к старым все новые; исправления же были редким исключением. Наихудшим Линде считал издание 1786 г. [Ibid., s. 37, 77, 84–154, 156]. Этот тезис был полностью поддержан виленским правоведом И. Даниловичем [Danilowicz, 1823, s. 290, 291, 292].

В «журналах» (протоколах) КСЗ не отражено рассмотрение вопроса о том, какой текст ЛС следует положить в основу русского перевода и будущего издания. Кажется, что руководители КСЗ вполне доверились мнению эксперта по польско-литовскому праву Повстанского, и проблемы выбора текста-основы не возникало. Хотя в распоряжении Лопухина, как мы видели, было два экземпляра старопечатного кириллического статута, тем не менее он вряд ли рассматривался как возможная основа для перевода. Стоит повторить, что, согласно господствовавшему тогда мнению, оригиналом ЛС считался польский текст. Лишь в 1816 г. появилось предположение, выдвинутое Линде, о том, что впервые статут был напечатан только на «русском» языке.

Действительно, исходным текстом для перевода послужило последнее польское издание 1786 г. Такой выбор объяснялся повсеместным его использованием в судах западных губерний. Перепечатка, сопровождаемая русским переводом, не вносила каких-либо новшеств в судебную правовую систему, складывавшуюся в присоединенных областях, на территории которых продолжало действовать прежнее право. Согласно общепринятому взгляду, который разделял и

Повстанский, только польскоязычный статут являлся источником действующего права на территории бывшего ВКЛ (Uwagi..., 1829, s. 50–51).

Текст статута 1786 г. был воспроизведен в новом издании со всеми ошибками и даже очевидными опечатками. Повстанский утверждал, что это было сделано намеренно, говоря в оправдание, что «и наименьшее изменение текста могло бы навлечь на издателей ответственность за беспечность» (Uwagi..., 1829, s. 52). Точная перепечатка текста последнего польского издания должна была служить защитой от возможных упреков и критики. Даже немногие исправления этих ошибок в петербургском издании Повстанский объявлял «мимовольными» (Ibid., s. 52, 94). Это подтверждает и другой сотрудник. По свидетельству Бучиньского, во время окончательного редактирования текста замеченные в польском издании ошибки и огрехи были воспроизведены в новом издании, поскольку Посников «не находил себя в праве переправлять оных» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 26. Д. 4209. Л. 5–5 об.). О наличии очевидных ошибок в польском издании 1786 г. можно было убедиться при его сличении с предыдущими польскоязычными или с кириллическим изданием 1588 г.

В своей книге Повстанский утверждал, что работавшим над переводом чиновникам не было известно о существовании «русского» старопечатного экземпляра статута, находившегося в «Польской метрике» при III департаменте Сената (Uwagi..., 1829, s. 49, 50). Этому утверждению противоречит, однако, примечание к тексту русского перевода 70-го артикула 4-го раздела в сенатском издании. Оно содержит прямую отсылку на соответствующее место в старопечатном статуте 1588 г. (Статут Великого Княжества Литовского..., 1811, с. 414). Появление указанного примечания Повстанский объяснял тем, что, когда при окончательной проверке перевода возник спор по поводу уместности употребления частицы «не» в польском тексте одного из артикулов, обер-прокурор Посников затребовал печатный экземпляр статута из «Польской метрики», чтобы прояснить этот трудный случай. А поскольку материал уже пошел в печать, то для сверки других мест времени не оставалось (Uwagi..., 1829, s. 49–50). Указание Повстанского на нехватку времени для выверки перевода с «русским» оригиналом из-за начала печати сомнительно. Если предположить, что Посников, Повстанский и Икосов начали работу по редактированию в середине июля 1810 г. и занимались этим восемь недель, то закончить ее они должны были до середины сентября. Печатание же началось не ранее января 1811 г.

Более важная причина прекращения сверки и продолжения печатания, по словам Повстанского, заключалась в том, что «не экземпляр русский, но последнее польское издание Статута Литовского [вышедшее в 1786 г.] считалось действующим правом» (Ibid., s. 50). Сверка же современного русского перевода со старопечатным изданием 1588 г., по его мнению, скорее была бы равносильна самодеятельной научной работе, а не точным исполнением распоряжения правительства, которое заключалось в переводе польскоязычного статута на русский язык (Ibid.). Оправдываясь таким образом, Повстанский невольно подтверждает, что он и его сотрудники знали о существовании печатного ЛС на кириллице. Утверждение о сверке только одного места нового перевода статута с изданием 1588 г. опровергает также исследование Линде, который указал на несколько случаев, когда переводчики при неясности польского текста прибегали к «русскому» оригиналу [Linde, 1816, s. 78, 80, 99–100]. Можно согласиться с А. Нольде в том, что мамоничевское «издание игнорировалось, главным образом, потому, что с него было труднее переводить, чем с польского» [Нольде, 1906, с. 73]. Препятствием для переводчиков были трудности как в прочтении старого кириллического шрифта, так и в понимании самого книжно-актового языка ВКЛ.

Проект издания Литовского статута в Петербурге находился в прямой связи с внешнеполитическими событиями. Создание Герцогства Варшавского и перспектива возрождения полноценной польской государственности оказали существенное влияние на общественные настроения в западной полосе Российской империи. Появление на границах империи зависимого от Наполеона образования требовало от российских властей обращать особое благосклонное внимание на своих польскоязычных подданных. В Петербурге резонно полагали, что публикация правительством сборников польского и литовского права будет с воодушевлением встречена в западных областях империи.

Наполеон и Александр оказались в политической ситуации, в которой они должны были конкурировать за симпатии поляков, подогревая их надежды на воссоздание суверенного поль-

ского государства. По мере роста напряженности между Францией и Россией Александр I в своей польской политике преследовал цель нейтрализовать популярность Наполеона в общественном мнении поляков, в особенности тех из них, кто находился на территории Российской империи. В сложной политической игре российский император чувствовал необходимость иметь на руках сильные козыри, которые можно было бы пустить в ход в случае необходимости. Помимо принятия титула польского короля, Александр I серьезно рассматривал проект создания российской Литвы в противовес профранцузскому Герцогству Варшавскому. Так, в 1811–1812 гг. император поддерживал предложенный польско-литовским аристократом М.-К. Огиньским план создания из «польских» губерний Великого княжества Литовского в составе империи [Nawrot, 2008, s. 69–71; Польша и Россия..., 2010, с. 31–36].

В мае 1808 г. в Герцогстве Варшавском вступил в силу кодекс Наполеона, на основе которого должны были регулироваться гражданские правоотношения. Поначалу суды герцогства в своей практике руководствовались французским оригиналом кодекса, поскольку частные переводы на польский язык содержали ошибки. Только в 1813 г. появилось новое издание кодекса с параллельным текстом на трех языках – французском, польском и латинском, которое предназначалось для использования в судах. Судьи могли полагаться на польский перевод, если он не противоречил французскому оригиналу [Historia państwa i prawa..., 1981, s. 132–133]. В этих условиях как нельзя кстати было появление сенатского издания ЛС, который на протяжении веков после заключения Люблинской унии воспринимался как символ правовой обособленности ВКЛ [Godek, 2012, s. 485]. Находясь осенью 1811 г. в Литве, Огиньский охотно распространялся о планах Александра по воссозданию ВКЛ, включающего восемь российских губерний [Nawrot, 2008, s. 71–72]. Новое издание Литовского статута могло служить весомым подкреплением таких рассказов. Подготовленное в Петербурге издание статута должно было также подчеркнуть выгодное положение поляков – российских подданных, пользовавшихся своим традиционным правом, по сравнению с ситуацией в Варшавском Герцогстве, жители которого должны были принять из рук Наполеона франкоязычные кодексы. На фоне широкого недовольства католической церкви, польской аристократии и землевладельческой шляхты скоропалительным введением наполеоновского законодательства [Galędek, Klimaszewska, 2018, p. 273–275], основанного на внесловных принципах, Александр I мог надеяться на увеличение числа своих сторонников после выхода в свет российского издания статута.

Хотя на протяжении 15 лет, прошедших со времени разделов, многие нормы ЛС были либо отменены явочным порядком путем введения российских законов, либо изменены указами; петербургское издание не содержало каких-либо указаний на произошедшие изменения в правовой сфере края. В нем не было ни одной ссылки на нормы российского законодательства. Это могло вести к мысли о том, что реставрация ключевых элементов прежнего польско-литовского государственного строя вполне возможна.

Вместе с тем, издавая Литовский статут, верховная власть желала сохранить в дальнейшем свободу рук, что являлось характерной чертой политического стиля Александра I. Показательно то, что издание не содержало указаний на его утверждение каким-либо государственным органом. Ордер министра юстиции, вместе с которым 6 января 1812 г. новое издание было разослано в столичные подведомственные учреждения, был весьма лаконичен и не содержал каких-либо предписаний или рекомендаций руководствоваться в своей деятельности этим изданием: «Препровождаю при сем к Вашему... (следует титул) один экземпляр Литовского Статута с Российским переводом для... (следует название органа управления)» (РГИА. Ф. 1345. Оп. 279. 1812 г. Д. 3. Л. 1). Условно официальный характер изданию придавал факт его выхода из типографии «при Правительственном Сенате», которая специализировалась на печатании правительственных постановлений.

Практика издания российских нормативных актов с параллельными русским и польским текстами существовала, начиная со времени присоединения территорий Речи Посполитой. Так, были изданы манифест М. Н. Кречетникова в 1793 г. (О присоединении..., 1793), «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», вышедшие в 1794–1796 гг. в западных губерниях, и другие [Сводный каталог..., 1966, с. 282]. Принципиально новым являлось то обстоятельство, что в 1811 г. был издан сборник законодательства иностранного государства на

иностранным же языке, сопровождаемый переводом на русский. Тем не менее двуязычность нового издания важнейшего законодательного кодекса ВКЛ, помимо практического значения и соответствия требованиям губернского судопроизводства, имела дополнительный смысл. Наличие русского текста могло ослабить опасения имперского дворянства в отношении статуса присоединенных «польских» областей, которые позже выразит Н. М. Карамзин в записке «Мнение русского гражданина» [Западные окраины..., 2006, с. 90–91].

За исключением употребления в отношении языка старопечатного статута определения «российский» проект не имел выраженной идеологической направленности. Русские сановники были далеки от использования обнаруженного издания 1588 г. как средства для исторического обоснования русского характера присоединенных провинций. Они смотрели на ЛС глазами своих польскоязычных сотрудников. Издание 1811 г. останется характерным памятником той эпохи, когда перспектива закрепления за западными областями особого автономного статуса казалась наиболее явственной.

Список источников

Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки (ОАД РНБ). Ф. 1. Оп. 1. 1800. Д. 19.

Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Собрание Первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830. Т. 24. № 18135, с. 727–733; Т. 28. № 21187, с. 160–173; Т. 30. № 23525, с. 857–863.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 6, 7, 39, 40, 592, 900; Ф. 1341. Оп. 257. Д. 19; Ф. 1345. Оп. 279. 1812 г. Д. 3; Ф. 1347. Оп. 94. Д. 754; Оп. 281. Д. 1875; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 278, 328, 1796; Ф. 1405. Оп. 8. Л. 193; Оп. 26. Д. 4209; Оп. 520. Д. 4001.

Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. М.: Тип. В. Готье, 1866. 313 с.

[О присоединении Польских областей к России. Манифест генерал-аншефа Михаила Кречетникова, объявленный по высочайшему повелению в стане российских войск в Полонном]. Б.м.: Б.и., 1793. 7 с.

Права, за якими судиться малоросійський народ. 1743 р. Київ: Ін-т держави і права, 1997. 547 с.

Руссов С. Волынские записки, сочиненные Степаном Руссовым в Житомире. СПб.: Императорская типография, 1809. 196 с.

Ручной словарь или краткое содержание Польских и Литовских законов, служащих руководством в судебных тяжбах всякаго рода, собранных для употребления в присутственных местах и для пользы частных обывателей Коронных и Литовских провинций / пер. с польского. СПб.: Сенат. типография, 1808. 382 с.

Статут Великого Княжества Литовского с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию оного / пер. с польского. СПб.: При Правительствующем Сенате, 1811. Ч. 1. 550 с.

[*Powstański A.*] Uwagi odnoszące się do bibliografii Statutu litewskiego. Wilno: A. Marcinowski, 1829. 227 s.

Библиографический список

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.

Западные окраины Российской империи / науч. ред. М.Д. Долбилов и А.И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.

Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб.: Имп. публ. биб-ка, 1861. Т. 1. 283 с.

Музыченко П.П. К вопросу о польском происхождении III Литовского Статута // Третий Литовский Статут 1588 года. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 1989. С. 63–72.

Мякишев В. Кириллические издания Литовского статута 1588 года. Kraków: Wyd. LEXIS, 2014. 394 s.

Нольде А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Вып. 1. Попытка кодификации литовско-польского права. СПб.: Сенат. типография, 1906. 314 с.

Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 гг. / отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. 584 с.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800. М.: Наука, 1966. Т. 3.

Czacki T. O Litewskich i Polskich prawach. Warszawa: w Drukarni J.C.G. Ragozcego, 1800. T. 1. 398 s.

Daniłowicz I. Opisanie bibliograficzne dotąd znanych egzemplarzy Statutu Litewskiego, rękopiśmiennych i edycji drukowanych // *Dziennik Wileński*. 1823. T. 2. Lipiec. S. 261–293.

Galędek M., Klimaszewska A. A Controversial Transplant? Debate over the Adaptation of the Napoleonic Code on the Polish Territories in the Early 19th Century // *Journal of Civil Law Studies*. 2018. Vol. 11, no. 2. P. 269–298.

Godek S. III Statut Litewski w dobie porozbiorowej. Warszawa: Wyd. Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2012. 807 s.

Historia państwa i prawa Polski / pod red. J. Bardacha i M. Senkowskiej-Gluck. W.: Pań. wyd. naukowe, 1981. T. III. 865 s.

Kaplunovsky A. The Alexandrine Commission for the Compilation of Laws: In Search for Codifying Models for the Russian Empire // *The Enigmatic Tsar and His Empire. Russia under Alexander I*. Berlin, 2019. P. 167–217.

Linde S.B. O statucie litewskim ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomość. Warszawa: Zawadzki i Węcki, 1816. 222 s.

Nawrot D. Litwa I Napoleon w 1812 roku. Wyd-wo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice, 2008. 792 s.

Дата поступления рукописи в редакцию 22.04.2022

RUSSIAN GOVERNMENT'S PROJECT OF TRANSLATION OF THE LITHUANIAN STATUTE INTO RUSSIAN AND ITS PUBLICATION IN 1811

K. V. Troianowski

Institute for Medical Education, Akkuratov str., 2, 197341, St. Petersburg, Russia

troianowski@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4864-3369

The article aims to answer how and why the Lithuanian Statute was translated into Russian in the first decade of the 19th century. The Statute of the Grand Duchy of Lithuania, also widely known as the Lithuanian Statute, remained one of the major sources of valid law in the new provinces of the Russian Empire, received after the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth. Legal proceedings in the local courts of these provinces were conducted mostly in Polish, only appeal cases that were submitted to the Senate had to be translated into Russian. Therefore, the publication of the Russian translation of the Statute was important for practical purposes. It was aimed primarily at Russian-speaking imperial administrators in the provinces, as well as in St. Petersburg. The Commission for the Compilation of Laws set up in St. Petersburg played the key role in the project, particularly a team led by a legal scholar Adam Powstański. The project under investigation had a strong interconnection with Russia's external affairs after the peace treaty of Tilsit. The foundation of the Duchy of Warsaw raised new hopes for an imminent re-creation of a sovereign Polish state and intensified rivalry between Napoleon and Alexander I for Polish sympathies. As Russian-French tensions rose, Alexander I deliberated over providing autonomous status to the western provinces. The discontent of the Warsaw elites following the introduction of the Napoleon Code in the Duchy gave Alexander I a good reason to publish the Statute in two languages as a signal to his Polish subjects about the future positive changes in their status.

Key words: Lithuanian Statute, sources of law, Russian Empire, western provinces, Commission for the Compilation of Laws.

References

Bardach, J. & M. Senkowska-Gluck (1981), *Historia państwa i prawa Polski* [History of the Polish state and law], Pań. wyd. naukowe, Warsaw, Poland, vol. III, 865 p.

Czacki, T. (1800), *O Litewskich i Polskich prawach* [On the Polish and Lithuanian Laws], Vol. 1, w Drukarni J.C.G. Ragozcego, Warsaw, Poland, 398 p.

Daniłowicz, I. (1823), "A bibliographic description of manuscripts and printed books of the Lithuanian Statute", *Dziennik Wileński*, vol 2, Lipiec, pp. 261–293.

- Gałędek, M. & A. Klimaszewska (2018), "A Controversial Transplant? Debate over the Adaptation of the Napoleonic Code on the Polish Territories in the Early 19th Century", *Journal of Civil Law Studies*, vol. 11, № 2, pp. 269–298.
- Godek, S. (2012), *III Statut Litewski w dobie porozbiorowej* [The Third Lithuanian Statute in the After-Partitions Age], Wyd. Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, Warszawa, Poland, 807 p.
- Kaplunovsky, A. (2019), "The Alexandrine Commission for the Compilation of Laws", in Kaplunovsky, A., Kusber, J. & B. Conrad (eds.), *Search for Codifying Models for the Russian Empire. The Enigmatic Tsar and His Empire. Russia under Alexander I*, Peter Lang (Peter Lang GmbH. Internationaler Verlag der Wissenschaften), Berlin, Germany, pp. 167–217.
- Korf, M. A. (1861), *Zhizn' grafa Speranskogo* [A Life of Count Speransky], vol. 1, Imp. Publ. Bib-ka, St. Petersburg, Russia, 283 p.
- Linde, S. B. (1816), *O statucie litewskim ruskim językiem i drukiem wydany wiadomości* [Treatise on the Lithuanian Statute written and published in Ruthenian language], Zawadzki i Węcki, Warsaw, Poland, 222 p.
- Makarova, V.G. (2010), "Russia and foundation of the Congress Kingdom of Poland", in Fal'kovich, S.M. (ed.), *Pol'sha i Rossiya v pervoy treti XIX veka* [Poland and Russia in the first thirty years of the 19th cent.], Indrik, Moscow, Russia, pp. 11–108.
- Miller, A. I. & M. D. Dolbilov (2006), "Political processes in 1815–1830", in Dolbilov, M. D. & A. I. Miller (eds), *Zapadnye okrainy Rossiyskoy imperii* [Western provinces of the Russian Empire], NLO, Moscow, Russia, pp. 89–94.
- Muzychenko, P. P. (1989), "Concerning the question of the Polish provenance of the Third Lithuanian Statute", in *Tretiy Litovskiy Statut 1588 goda* [Third Lithuanian Statute of 1588], Vilniūs. univ, Vilnius, USSR, pp. 63–72.
- Myakishev, V. (2014), *Kirillicheskie izdaniya Litovskogo statuta 1588 goda* [Cyrillic publications of the Lithuanian Statute of 1588], LEXIS, Krakow, Poland, 394 p.
- Nawrot, D. (2008), *Litwa i Napoleon w 1812 roku* [Lithuania and Napoleon in the year of 1812], Wyd-wo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice, Poland, 792 p.
- Nol'de, A. Je. (1906), *Ocherki po istorii kodifikatsii mestnyh grazhdanskih zakonov pri grafe Speranskom. Vyp. 1* [Chapters on the history of codification of civil laws at the time of Count Speransky. Vol. 1], Senat. tipografiya, St. Petersburg, Russia, 314 p.
- Svodnyy katalog russkoy knigi grazhdanskoj pechati XVIII v. 1725-1800* (1966) [Aggregated catalogue of civic print Russian books of the eighteenth cent. 1725-1800], Nauka, Moscow, USSR, vol. 3, 515 p.
- Zhivov, V.M. (1996), *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and culture in Russia in the 18th century], Yazyki russkoy kul'tury, Moscow, Russia, 591 p.